
Быть человеком — это значит чувствовать, что ты за все в ответе.

А. де Сент-Экзюпери

Вместо вступления

Когда ежеминутно ждешь телефонного звонка, а он звонит в три часа ночи, то, наверное, в этом есть своя непонятная закономерность. Зигфрид протянул руку к трубке. Вот уже четвертый месяц телефон стоит на столике рядом с кроватью.

— Это парк Бергштрассе-Оденвальд?

— Нет, вы ошиблись номером, — постарался как можно спокойнее ответить он, но почувствовал, что голос предательски дрогнул.

— Странно, я звоню по этому телефону вот уже семь лет и ни разу не ошибся. Простите, — четко произнес незнакомый голос, и в трубке раздались длинные гудки.

Мельцер медленно опустил руку. Видимо, случилось что-то очень важное, если было дано разрешение на такой разговор. Припоминая события последних дней, он машинально стал одеваться, не обращая внимания на телефонную трубку, которая осталась лежать на кровати.

ФРАНС ПРЕСС ИЗ МАДРИДА.

13 октября 1977 года

Три часа назад на Мальорке похищен самолет западногерманской авиакомпании «Люфтганза» «Боинг-737». Самолет взял курс на Италию. Со-

гласно поступившим данным, среди террористов есть женщина. Местные обозреватели прямо указывают, что похищение самолета может явиться продолжением дела Шлейера. Как известно, 6 октября этого года председатель федерального объединения немецких работодателей Ганс Мартин Шлейер был похищен из своего автомобиля. Все четверо телохранителей Шлейера были убиты. В связи с этими событиями отложен визит в Бонн британского премьера Каллагана. Каницлер Шмидт лично возглавил штаб по розыску Шлейера.

АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС ИЗ РИМА.

14 октября 1977 года

Как уже сообщалось, угнанный вчера самолет «Боинг-737» приземлился в Риме. После непродолжительной остановки лайнер взял курс на Египет. Представитель Организации освобождения Палестины категорически опроверг всякие слухи о причастности его организации к данному похищению. По поступающим из Бонна сообщениям, правительство ФРГ анализирует возникшую ситуацию.

ЮНАЙТЕД ПРЕСС ИНТЕРНЭШНЛ.

15 октября 1977 года

Похищенный два дня назад самолет немецкой авиакомпания «Люфтганза» прибыл сегодня на остров Крит, приземлившись на военной базе НАТО. Несмотря на все попытки представителей египетских властей, уговаривавших террористов сдаться, самолет поднялся в воздух. Как сообщает из Каи-

ра наш корреспондент, в переговорах с террористами участвовал специальный посланник Ясира Арафата, однако и ему не удалось решить проблемы заложников. По сообщениям из Бонна, оппозиционный блок ХДС — ХСС потребовал введения новых законов, предусматривающих смертную казнь для террористов.

Бонн. 15 октября 1977 года.
Церковь иезуитов

Мельцер с интересом осмотрелся. Уже два года как он здесь не был. Возведенная в начале XVII века церковь находилась неподалеку от готического собора Святого Ремигия, построенного на четыреста лет раньше.

Послышались чьи-то шаги. В этот субботний день Бонн жил своей обычной размеренной жизнью.

Мимо спешили студенты в Университет Фридриха Вильгельма, который находился совсем рядом. Зигфрид услышал английскую речь. Он инстинктивно напрягся. Нет. Это группа английских туристов, направлявшихся к домику Бетховена.

— Простите, вы господин Рейнхарт?

Зигфрид обернулся.

Перед ним стоял улыбающийся толстячок лет пятидесяти. Мельцер даже не заметил, откуда он появился, и уже это свидетельствовало о высоком профессионализме прибывшего. Толстячок все время потел, несмотря на довольно прохладную погоду, и держал в руке большой синий платок, которым постоянно вытирал лицо. От его глаз разбегались

лукавые морщинки, весь он искрился весельем, рот был растянут в улыбке, но глаза... глаза, настороженно разглядывающие собеседника, были внимательны и холодны. Зигфрид мог бы и не отвечать на приветствие, глаза пришельца красноречиво говорили о специфике его работы. Да, я не ошибся, подумал Мельцер.

— Нет, — ответил он, — но я его близкий друг, и господин Рейнхарт просил меня приехать вместо него.

Казалось, толстячок даже обрадовался.

— Очень любезно с его стороны. Очень, — повторил он и, не меняя тона, предложил: — Давайте пройдем к Ратуше. — Шагов двадцать они сделали молча, искоса поглядывая друг на друга. Зигфрид терпеливо ждал, когда наконец пришелец заговорит. Толстячок как-то странно выдохнул и тихо начал:

— Вы, очевидно, уже осведомлены, для чего нам понадобилась эта встреча?

— Да, — честно ответил Мельцер, — я в курсе. Правда, до этого я считал, что можно обойтись и без нашего участия в этой операции. Однако я, видимо, ошибался, иначе федеральному правительству не пришлось бы прибегать к нашей помощи.

— Вы правы, — быстро согласился пришелец, — обстановка сейчас накалена. После событий шестого октября все ждали какого-нибудь акта. Мы принимали меры безопасности, но предусмотреть все не смогли. Канцлер лично обратился к господину региональному комиссару с просьбой о помощи. Всякие неожиданности должны быть полностью исключены, подчеркнул он в беседе со мной.

Гибель заложников может вызвать большие последствия, и не только в нашей стране.

— А почему эта операция не поручена группе Вегенера? — спросил Мельцер.

— Группа «ГСГ-9» уже подключена к этому делу¹, — ответил собеседник, останавливаясь у Рауши, — однако наше правительство хотело бы иметь гарантии.

— Похитители известны? — хмуро спросил Зигфрид, решив, что пора переходить к делу.

— Да. Это красная группировка террористов-анархистов. РАФ.

— Неужели коммунисты? — недоверчиво хмыкнул Мельцер.

— Они такие же коммунисты, как Йозеф Штраус, — сострил его собеседник, — хотя и называют себя «красными», — и, довольный своей шуткой, громко расхохотался.

— Впрочем, это меня не касается, — холодно бросил Зигфрид. — Вы же знаете, мы не вмешиваемся в политику.

— Конечно, конечно, — поспешил согласиться с ним его спутник, резко обрывая смех, — мы строго предупреждены обо всем.

— Похитители выдвинули условия?

— Да, они требуют освобождения своих главарей.

— Где они сейчас?

¹ Группа «ГСГ-9» была создана для борьбы с террористами 23 октября 1973 года министром внутренних дел ФРГ Геншером.

— Кто, похитители?
— Арестованные.
— Во внутренней тюрьме Штамхайма.
— Баадер и его товарищи?
— Да.
— Значит, этого же хотели и похитители Шлейера, — коротко бросил Мельцер, подчеркнув предпоследнее слово.

Тут его собеседник остановился. Улыбка сползла с его лица, и оно приняло испуганное выражение. Очень испуганное.

— Почему хотели? — осторожно спросил он, меняясь в лице. — Почему?

— Потому что Шлейера уже нет в живых, — очень тихо ответил Мельцер.

— Откуда? Откуда это вам известно? — жалобно простонал толстячок. — Ведь об этом знали несколько человек...

— Я догадался, — пошутил Зигфрид, холодно глядя на него. — Вы знали, с кем имеете дело. Давайте откровеннее и ближе к существу.

— Шлейера прятали в Кёльне. Мы получили телекс, где указывалось точное местонахождение Шлейера. Кто дал телекс, нами до сих пор не установлено. Хотя теперь я начинаю понимать. — ...Казалось, собеседник Мельцера потерял всякий интерес к разговору, так тихо и невыразительно он говорил.

— И вы, конечно, не успели?

— Да. Не успели. Группа Вегенера ворвалась в дом в тот самый момент, когда террористы пристрелили своего пленника.

— Где труп Шлейера?

— Пока у нас. Но мы не сможем это долго скрывать. А если еще и самолет с заложниками... Вы же понимаете, во что это выльется.

— Что с похитителями, охранявшими Шлейера? Где они?

Толстячок покачал головой.

— Они уже ни о чем не расскажут.

— А ваши люди?

— Обо всем известно только нескольким членам группы «ГСГ-9». Но до сегодняшнего дня я считал, что они умеют держать язык за зубами.

— Можете считать так и дальше, — Мельцер позволил себе улыбнуться, — к моим сведениям эти люди не имеют никакого отношения. Значит, пока утечка информации невозможна, — проговорил он, как бы размышляя вслух.

— Да, только пока... Но я не могу поручиться, что это убийство мы сможем долго хранить в секрете. День, два, от силы три... И то, если не проносятся журналисты.

Зигфрид молчал. Он уже принял решение.

АССОШИЭЙТЕД ПРЕСС.

6 октября 1977 года

«Боинг-737», похищенный четырьмя террористами три дня назад на Мальорке, приземлился сегодня в Адене. Во время посадки первый пилот корабля Юрген Шуман пытался бежать, однако эта попытка закончилась трагически.

Смерть Шумана — явное доказательство того, насколько серьезны намерения террористов. Не-

смотря на то, что они до сих пор не выдвинули никаких требований, мало кто сомневается в их причастности к РАФ. Как передает наш корреспондент из Бонна, канцлер Шмидт лично выразил соболезнование семье погибшего.

ЮНАЙТЕД ПРЕСС ИНТЕРНЭШНЛ.

16 октября 1977 года

По сообщению из Могадишо, сегодня туда прибыл самолет западногерманской авиакомпании «Люфтганза» «Боинг-737». По прибытии в столицу Сомали террористы выдвинули наконец свои условия. Как и предполагалось, они требуют освобождения Андреаса Баадера и нескольких других главарей анархистской группировки РАФ, содержащихся сейчас во внутренней тюрьме Штамхайма. Правительство Бонна срочно консультируется с правительством Сомали. Несмотря на сложную обстановку на границе с Эфиопией, президент Сомали Мохаммед Сеид Барре заявил о своей готовности вести переговоры, добываясь освобождения заложников. Как сообщают в хорошо информированных кругах, правительство Бонна не пойдет на уступки террористам.

Могадишо. Сомали. 17 октября 1977 года

— Только что пришла телеграмма. Господин Бернгард, региональный комиссар дал свое согласие. — Перед Мельцером стоял, вытянувшись, командир особой группы «ГСГ-9».

— У вас все готово? — обратился Зигфрид к Вегенеру.

— Группы заняли исходные позиции, все готово, — подтвердил тот.

— Итак, договорились. Начинаете ровно в двадцать три пятьдесят. Давайте Баадера.

В комнату ввели заключенного. Мельцер начал без предисловий:

— Что касается лично меня, Баадер, я бы вас расстрелял. Но, к сожалению, это не в моей компетенции. Вас решено обменять на заложников в самолете.

Террорист усмехнулся.

— А я и не сомневался, что вы струсите.

Мельцер улыбнулся.

— Да, такие мы все трусливые, Баадер. Нам до вас далеко. Жаль. Но вы сами делаете свой выбор. Вы и вам подобные. Сейчас мы пойдем с вами к самолету и обговорим условия. Если ваши друзья примут наши условия, мы освободим и других главарей вашего отряда. Договорились? Прекрасно. Пошли.

Никем не остановленные, в тишине сомалийской ночи, они шли к самолету. Шаги гулко разносились по бетонному настилу. Мельцер вспомнил о своем простреленном плече.

Погода была довольно прохладной, сказывались ветры Индийского океана, и плечо его снова заныло. До самолета оставалось около двухсот метров. «Ну ничего, — успокаивал себя Мельцер, — еще полтора месяца, и все. Срок моего дежурства кончается».

— Не торопитесь, Баадер, не торопитесь, — спокойно заметил он бежавшему рядом с ним террористу. — Время у вас еще есть.

Он посмотрел на часы. Двадцать три сорок семь. До самолета оставалось немногим более пятидесяти метров. У трапа появились двое.

— Что вам нужно? — крикнул один из них.

— Я привел Баадера. Мы хотели бы обговорить условия. — Мельцер старался не кричать, но его голос отозвался громким эхом в ночной тишине.

— Вы один? — снова спросили из самолета.

— Конечно. И без оружия. — Зигфрид поднял вверх обе руки.

— Идите сюда. Но Баадер пусть идет следом за вами.

Чувствуя в затылок тяжелое дыхание, Зигфрид медленно поднимался по трапу самолета. Он успел лишь мельком взглянуть на часы. Двадцать три сорок девять. Остались считанные секунды. Вот наконец и дверь. В проходе стоят двое. Они внимательно оглядывают Баадера, кивают ему, один из них протягивает руку.

Сигнал. Огромное, чудовищно неправдоподобное зарево вспыхивает в ста метрах от самолета. Если бы Мельцер не знал точно, что расстояние сто метров, то ему показалось бы, что пламя пожирает самолет. Как трудно порой оставаться безучастным, особенно если нервы на пределе.

Трое людей, стоящие рядом с Зигфридом, оборачиваются назад, на огонь. Какие-то мгновения он остается без присмотра. Этого достаточно. Чет-

ко выхваченный пистолет и первый из террористов не успевает даже обернуться. Второй всего лишь повернул голову — и пуля мягко вошла в шею. Баадер подхватывает его автомат. В течение секунды Мельцер принимает решение. Третий выстрел — и Баадер падает замертво.

Слышен женский крик. Люди Вегенера уже врываются в самолет через запасные люки. Несколько беспорядочных выстрелов.

Третьего террориста буквально изрешетили пулями у входа в салон первого класса. Что это? Один из людей Вегенера скорчился. Четвертый террорист успевает сделать выстрел и тут же падает. Мельцер подходит ближе. Пассажиры, еще не пришедшие в себя, в ужасе смотрят на трупы. Зигфрид переворачивает тело. Женщина... Вот тебе и реакция. Лучше мужской. Жаль, конечно. Но они сами выбирают свою судьбу. «А я, — думает Мельцер, — только делаю правильный выбор между жизнью этих террористов и жизнями десятков ни в чем не повинных людей».

— Можете передать в Бонн, операция завершена, — говорит он подошедшему Вегенеру.

ЮНАЙТЕД ПРЕСС ИНТЕРНЭШНЛ.

18 октября 1977 года

Сегодня утром во внутренней тюрьме Штамхайма были найдены мертвыми Андреас Баадер, Ян Карл Распе, Гудрун Энеслин. Четвертый член группы, Ирмгард Меллер, найдена в своей камере с четырьмя ножевыми ранениями. Представитель

тюремных властей заявил, что речь идет об обычном самоубийстве. Однако он отказался прокомментировать это сообщение и ответить на вопросы журналистов.

«ИНТЕРНЭШНЛ ГЕРАЛЬД ТРИБЮН».

20 октября 1977 года

Вчера днем на одной из улиц пограничного городка Молюза (Франция) найдена брошенная машина с трупом Ганса Мартина Шлейера. Смерть Шлейера явилась итогом печально известного дела «красной группировки» РАФ. Террористы, поняв, что проиграли, дали сигнал об убийстве Шлейера. Самоубийство Баадера и его товарищей — найденный в одной из камер аппарат Морзе прямо указывают на это. Однако в связи с этим возникает ряд вопросов. Каким образом застрелился Баадер? Где он взял оружие? Как в Штамхайм попали радиопередатчик и транзистор? Почему на ботинках Баадера обнаружен светлый песок? Как смогла нанести себе четыре ножевых ранения Ирмгард Меллер? Куда пропали письма Гудрун Энеслин, переданные начальнику кабинета канцлера ФРГ? Все эти вопросы до сих пор остаются без ответа.

«ФРАНКФУРТЕР РУНДШАУ».

24 октября 1977 года

...Странным кажется, что все сделано для того, чтобы заставить обывателя задуматься над убийством, камуфлированным под самоубийство.

Бонн. 25 октября 1977 года

— Правительство ФРГ выражает глубокую благодарность за подключение ваших людей к операции. Господин региональный комиссар, мы просим особо отметить господина Мельцера. Вся разработка операции осуществлялась под его контролем. Господин канцлер просил меня выразить и его личную благодарность за спасение пассажиров. Что касается Баадера, то три крупнейших специалиста из Вены, Льежа и Цюриха подтвердили — самоубийство. Еще раз благодарим вас, господин региональный комиссар, — говоривший протянул руку высокому мужчине и с чувством пожал ее.

Часть I

ВСТРЕЧА

Преступные организации, осуществляющие торговлю и контрабанду наркотиков, располагают самыми современными техническими средствами, хорошо налаженной агентурной сетью и большим, разветвленным штатом исполнителей. Борьба с ними в современных условиях становится еще более тяжелой, чем раньше.

*Из доклада Постоянного комитета
экспертов по предупреждению
преступности и борьбе с ней
при Экономическом и социальном
совете ООН*

Белград. День первый

Самолет взял курс на Белград. Привычно гудели моторы, заглушая другие шумы. Пассажиры дремали в своих креслах. Приветливые стюардессы разносили чай, кофе, соки.

— Кофе, месье? — обратилась одна из них к пассажиру, сидевшему в третьем ряду.

— Да, пожалуйста. — Он кивнул головой, улыбнувшись. Крепкий обжигающий кофе сейчас пьют не только на его родине, и он не видел причины отказываться от него здесь, далеко от родного города.

Шарль Дюпре — так теперь его зовут. И это имя будет с ним в течение всего дежурства. Собственно говоря, региональные инспектора сменяются два раза в год — так изнурительна и тяжела их работа. «Больше не выдерживает практически никто, если, конечно, дотягивает до конца срока, — подумал Дюпре. — Из пяти региональных инспекторов, дежуривших до меня, только двое вернулись домой. Что за проклятый сектор «С-14»!» Вот и сейчас он летит на место раньше времени. Дюпре вспомнил — в шифровке особо обращалось внимание: посланный до него региональный инспектор с двумя помощниками исчез и до сих пор не подает никаких известий, что категорически запрещено уставом.

Он достал паспорт. С фотографии на него смотрело лицо молодого человека лет тридцати — тридцати пяти. Округлый подбородок, добродушные карие глаза, модная прическа делали его меньше всего похожим на суперагента, которым, в сущности, он никогда себя не считал.

Люди, подобные ему, всегда избегали громких фраз, как не любили вообще много говорить, потому что сама работа не располагала к словоблудию. Но, когда они возвращались домой, наступал феномен «реанимации», как его шутливо называли инспектора. Дюпре дежурил уже дважды, правда, в других квадратах, но каждый раз, возвращаясь домой усталый и счастливый, он, как и другие, не хотел оставаться один. Потребность простого человеческого общения, когда не надо лгать и изворачиваться, хитрить и приспосабливаться, быть

предельно внимательным и настороженно следить за своими собеседниками, была так велика, что ее не могло заглушить даже огромное чувство усталости.

Шарль помнил свое первое дежурство. Новичков, как правило, не посылали в трудные районы, понимая, сколь сложна будет такая работа даже для профессионалов, очутившихся в незнакомой обстановке. Обычно инспекторам давали двух-трех помощников для более успешного ведения дел. Но тогда, в первое его дежурство, помощников у Дюпре не было — район считался спокойным и тихим. Если не считать двух-трех «мелких происшествий», можно было докладывать, что первое дежурство прошло спокойно. Во всяком случае, в своем отчете он так и указал, «забыв», что во время этих «мелких происшествий» он был ранен в левую руку. Подробности своего ранения Дюпре предпочитал не вспоминать, но региональный комиссар, узнав об этом (до сих пор Шарль не знал, каким образом), сделал ему замечание за излишнюю горячность. Второе дежурство было куда более трудным, но на этот раз все обошлось благополучно, хотя эти шесть месяцев были не самыми лучшими в жизни Дюпре. И вот третье дежурство. Сектор «С-14». Когда он узнал об этом, прочитав шифровку, почувствовал гордость. Туда посылали только самых подготовленных, самых опытных. Одним из двух вернувшихся из этого ада был сам Зигфрид Мельцер, ныне региональный комиссар в Северной Америке. И вот теперь его очередь.

Значит, будем работать, привычно подумал

Шарль. Люди, посвятившие себя этому опасному делу, подобно Дюпре, не думали о наградах; сама жизнь без приключений казалась им пресной и скучной. Едва вернувшись с задания и не успев толком отдохнуть, они снова тянулись туда, где опасность заставляла сжимать нервы в пучок, где жизнь так бешено пульсировала и не очень дорого стоила. Это не было парадоксом. Подобно наркоманам, раз вкусившим «прелесть» небытия, подобно альпинистам, раз покорившим вершину, они снова и снова отправлялись в неведомое, потому что чувствовали — иначе они уже жить не могут. Человек, по-настоящему полюбивший хоть раз в жизни, не сможет жить без любви. Человек, однажды задышавший полной грудью, не сможет дышать вполсилы. Человек, испытывавший силу жизни на краю пропасти, должен постоянно ходить по этому краю, утверждаясь в собственных силах и увлекая своим примером других.

Так и Дюпре. Смысл своего существования он видел в этой жизни, полной неведомой прелести и очарования. Он, вот уже двенадцать лет рискующий жизнью сначала в органах контрразведки своей страны, затем в рядах «голубых», не мог и представить, что бы делал, не будь вдруг этой работы.

Их немного. Совсем мало. Но они всегда идут и побеждают. На смену одному приходит второй, третий, четвертый... Даже ценой жизни, но они торжествуют в споре со своими убийцами потому, что их сменяют другие. Они защищают правое дело и потому всегда побеждают. Но победа достается им нелегко. Слишком часто в страну, где они

живут, в город, где их ждут, приходит короткая записка: «Примите соболезнования», слишком большую цену платят «голубые ангелы» и сотрудники Интерпола. И слишком дорогая плата — их собственные жизни — становится безмерно малой за безопасность всего человечества.

«А все-таки «С-14», — вспомнил Дюпре. — Гордость гордостью, но жизнь, что ни говори, совсем неплохая штука, и отдавать ее просто так не особенно-то хочется».

«Наш самолет идет на посадку. Желаем вам всего хорошего», — объявила стюардесса на нескольких языках, и в салоне сразу наступило дружное оживление. Пассажиры заулыбались, задвигались, защелкали ремнями, стали перекладывать газеты, журналы, книги в свои сумки. Яркое солнце било в иллюминаторы, и мягкий желто-голубой солнечный свет разливался по салонам самолета. Дюпре щелкнул ремнями. Самолет, плавно снижаясь, пошел на посадку.

Белград. День второй

Все гостиницы имеют свой специфический запах, который остается в сознании на всю жизнь. Запах крахмала, которым пахнут простыни и наволочки, запах старых линяющих ковров и что-то неуловимо напоминающее запах моли и старой древесины.

Порой можно ощутить терпкий запах человеческого тела. Но если каждый дом имеет свой, осо-

бый, неповторимый аромат, то здесь, в гостинице, кажется, и люди одинаково пахнут.

Дюпре занимал 1409-й номер в гостинице «Сербия». Ему нравилась эта гостиница. Во-первых, она стояла несколько в стороне от оживленного центра; во-вторых, автобусные остановки были рядом с гостиницей; в-третьих, здесь всегда размещались туристические группы, которые менялись почти ежедневно, и одно чье-то лицо нельзя было сразу запомнить; в-четвертых, с этой гостиницей у Дюпре были связаны и личные приятные воспоминания.

Однако сейчас было не до воспоминаний. Он живет здесь уже второй день и не получает пока никаких указаний. Вчера вечером он снова побывал у Народного музея, но безрезультатно. Сегодня он пойдет в третий раз и снова, как и вчера, в восемь вечера будет ждать своего связного. Это была еще одна трудная часть их работы — умение ждать. От нее зачастую зависело очень многое, и Дюпре никогда не торопил время. Телефонный звонок вывел его из задумчивости.

— Господин Дюпре? — послышалось в трубке.

— Да, — помедлив, подтвердил он.

— Вас беспокоит портье. Пожалуйста, спуститесь вниз. Вас здесь ждет один человек.

— Меня? — удивленно переспросил Шарль.

— Да, господин Дюпре.

— А... Сейчас спущусь...

«Странно, очень странно. Кто еще меня может здесь ждать?» — подумал Шарль, вставая с кровати. Затянуть галстук и надеть пиджак было делом одной минуты. Дюпре уже взялся за дверную руч-

ку, когда ему показалось, что в коридоре слышен какой-то шорох и чьи-то быстрые шаги. Он неслышно отступил назад, тихо взял туфли и, бесшумно приставив стул к краю двери, взобрался на него, стараясь встать так, чтобы в любом случае суметь отскочить в комнату.

Над дверью была стеклянная перегородка. Почти все номера в гостинице были такими. Дюпре неслышно прильнул к окну, успев за какие-то доли секунды осмотреть коридор. Буквально в трех метрах от него двое мужчин, подняв пистолеты, целились ему в лицо. Его реакция оказалась безупречной. Он был уже на полу, когда осколки стекла посыпались ему прямо на голову. «Вот подонки, — невесело усмехнулся Шарль, — профессионалы. Стреляют с глушителями, чтобы ничего не было слышно». Раздалось еще несколько сухих щелчков — очевидно, на этот раз они решили изрешетить дверь.

«Интересно, что я буду делать, если они попытаются войти, — подумал Дюпре. — Оружия-то у меня нет».

Но за дверью было тихо. «Так, — размышлял Шарль, — значит, они пока не знают, что у меня нет оружия, и боятся войти. А может, убрались. Вряд ли. Пока не увидят труп, не уйдут. — Он приподнял голову. — Что ж, начало великолепное. Кажется, это только завтрак, а обед мне еще предстоит». Дюпре пополз к телефону и набрал номер.

— Да, — послышался голос.

Уже услышав голос, Шарль мог бы со спокойной совестью положить трубку — это был явно не

голос первого «портъе», но он решил на всякий случай проверить все до конца.

— С вами говорят из 1409-го номера. Моя фамилия Дюпре. От вас звонили ко мне в комнату минут пять назад?

— Из 1409-го? Сейчас проверим. Нет, господин Дюпре, вам никто не звонил.

— Спасибо. Пришлите ко мне, пожалуйста, горничную. — Он положил трубку. Ну что ж, этого и следовало ожидать. Увидев постороннего, они уберутся. Это не в их интересах.

Но кто они и откуда узнали его фамилию и место пребывания? Налицо явная утечка информации. Явная. Как бы там ни было, сегодня ему обязательно надо быть у Народного музея. А может, использовать резервный канал связи? Рука Дюпре потянулась к телефону. Нет. Надо выяснить до конца с первым вариантом, а резервный — на крайний случай.

Чьи-то шаги в коридоре. Кажется, женские. Идет спокойно. Остановилась у дверей. Так, вроде бы ругается. Она, наверное, думает, что он от нечего делать сломал перегородку и искромсал дверь. Теперь надо спокойно открыть ее. Наверняка те двое уже убралась. Он взялся за ручку двери, прислушался. Тишина, только ворчание старой горничной. Дюпре рывком отворил дверь, отступая в глубь комнаты. Женщина, явно не ожидавшая этого, на секунду умолкла, уставившись на Дюпре. Ничего не поделаешь. Шарль рывком притянул женщину к себе. Та попыталась закричать, но уже че-

рез мгновение носовой платок Дюпре сделал эту попытку абсолютно бесперспективной.

— Я извиняюсь, — чудовищно путая слова, произнес по-сербски Дюпре, связывая разорванной простыней руки горничной. «Хорошо еще, что она старая, а то бы подумала, что я пытаюсь ее изнасиловать», — невесело подумал Шарль. Но в любом случае неприятностей с югославской полицией у него теперь будет хоть отбавляй.

Он окинул взглядом комнату, бережно перенес женщину на кровать, еще раз извинился и тихо вышел из комнаты. Несколько осколков упали по ту сторону двери. Он осторожно сгреб их ногой в комнату и захлопнул дверь. С собой он взял только маленький чемоданчик. «Умение расставаться быстро со своими вещами — тоже привилегия агента», — вспомнилась одна из заповедей их школы. В коридоре ни души. Дюпре, осторожно озираясь, направился к холлу. Внезапно в конце коридора кто-то появился. Один, нет, двое, трое, пятеро. Шарль перевел дух. Туристическая группа. Женщины, дети.

Теперь по лестнице вниз, и как можно быстрее. Выйти надо, конечно, из запасного выхода — он знает здесь все ходы и выходы.

Кажется, вышел. Все в порядке. Берем немного правее. Здесь киоск. Спокойнее. Покупаем газету. Пока ничего необычного. Вон, кажется, такси. Что-то очень вовремя оно появилось. Пропустим его. Вот второе. Нет, нет, оно буквально следом за первым. Времени нет, но торопиться не надо. Так, а вот это уже наше. Остановим.

— Куда поедем? — спросил пожилой белградец.
— В Чукарицу, — сказал Шарль, делая неправильное ударение.

Шофер, вздохнув, включил зажигание. Машина двигалась по улицам довольно неторопливо. Дюпре успел уже освободиться от большинства своих бумажек, а некоторые наиболее важные он переложил в саквояж, настроив его на «уничтожение». Чемоданчик был хитро устроен. Если кто-то чужой попытается открыть его, не зная цифрового кода, все документы, находящиеся в нем, будут ментально уничтожены.

Машина плавно затормозила у большого серого здания.

— Чукарица, — равнодушно произнес шофер, не оборачиваясь.

— Спасибо, — по-немецки поблагодарил его Дюпре и, уплатив по счетчику, быстро вышел из машины. «Может быть, югославская полиция хоть на время потеряет мой след, — подумал он. — Здесь должен быть проходной двор». Вот он. Хорошо. Быстро в ту сторону. Удача. Чья-то попутная машина показалась из-за угла. Шофер резко тормозит.

— Площадь Теразие? — говорит довольно чисто Дюпре, показывая в сторону.

— Садись, — охотно предлагает автолюбитель. Шарль плюхается на сиденье.

— Быстрее, быстрее. — Это единственные слова, которые он может произнести без акцента.

Если этот автомобилист окажется болтуном, все пропало. Нет, кажется, молчит. А если заговорит? Дюпре стал искать носовой платок. «Придет-

ся делать вид, что у меня насморк. Черт побери. Носовой платок-то остался в номере. Ну ничего, там остались еще несколько моих грязных сорочек и старая щетка. Жалко, конечно, щетки, но когда на одной чаше весов твоя жизнь, а на другой — щетка и грязные рубашки, выбирать не приходится. Ни одни весы в мире не сохранят равновесие при таком неравномерном распределении».

Машина сворачивает мимо главного вокзала к площади Теразие. Отсюда совсем недалеко до Народного музея. Щедро расплатившись с водителем, Дюпре выходит на площадь. Кажется, слезки нет. До восьми еще две минуты. Связник будет ждать пять минут и ни минутой больше. С букетом красных гвоздик. А ведь может привлечь внимание. Еще есть несколько минут в запасе.

Уже подходя к музею, Дюпре увидел небольшую толпу, стоявшую на площади Республики. «Что там?» — поинтересовался он у бородатого парня с тетрадками под мышкой, очевидно, студента. Хорошо еще, что этот бородач оказался интеллектуалом и охотно все объяснил. Хотя нет, скорее показал. Стоял человек мирно, никого не трогая, и вдруг автомобиль, трах-та-ра-рах, и... нет человека. Какие-то ненормальные, покрутил у виска бородач, а сами убежали. Это же надо, сбили человека и сбежали.

Дюпре перевел взгляд на тротуар. Тело уже было прикрыто простыней, но рассыпавшийся букет ярко-красных гвоздик выделялся кровавыми пятнами на белой мостовой. Шарль понял, что опоздал.

Париж. День третий

Утренний Париж совсем не похож на ночной. Он уже слышал эту фразу, но только теперь сумел убедиться в ее справедливости. Уставшие, недовольные лица, все куда-то спешат, торопятся, не слышно смеха, не видно радостных, оживленных лиц. Большинство баров закрыто. В эти утренние часы Париж живет жизнью многомиллионного города, занятого своими проблемами и тревогами. Чем-то он напоминает красавицу, проснувшуюся утром после ночного кутежа. Она с удивлением обнаруживает, что уже второй час дня, что сегодня она спала одна и что, наконец, давно пора вставать. Красотка вскакивает с постели и подходит к зеркалу. Опухшее после кутежей и лишенное всякой косметики лицо, небрежно наброшенный халатик, растрепанные волосы — нет, это не та женщина, которая вчера очаровывала мужчин. Но уже через несколько часов она приведет себя в порядок и будет блистать в обществе. Волосы будут уложены в элегантную прическу, наряды будут великолепны, косметика как нельзя кстати — мужчины будут снова безумствовать и сходить из-за нее с ума. Но это будет потом, вечером. А сейчас — сейчас она стоит перед зеркалом и замечает морщины под глазами, немного опавшие щеки, уже начинающий появляться второй подбородок и потерявшую упругость грудь. Так и Париж. Он будет очаровывать своих гостей ночью, он заставит их влюбляться и совершать безумства, но днем он живет жизнью типичного миллионного города, и

гость, случайно попавший в этот ранний час на его улицы, недоуменно может оглянуться по сторонам и не сразу понять, где Париж. Но Париж все-таки остается Парижем, а красотка, даже лишенная всякой косметики, все-таки красоткой. И утренний Париж, лишенный части своей косметики, все-таки тот самый Париж, который очаровывает, восхищает, радует и поражает.

Он огляделся вокруг. «И все-таки я дышу воздухом Парижа», — почему-то подумал он и засмеялся. Редкие прохожие, оборачиваясь на него, тоже улыбались. «Париж, — снова подумал он, — я хожу по его улицам и трогаю эти камни, прикасаясь к чему-то неведомому и прекрасному, что волнует душу и будоражит кровь. По этим улицам ходили великие поэты и писатели. Этим воздухом дышали великие живописцы и архитекторы. Здесь они радовались и горевали, влюблялись и отчаивались, жили и умирали. Само слово «Париж» имеет такое магическое звучание, такую необъяснимую прелесть, что заставляет мечтательно улыбаться даже седых мужчин и подергивает романтической дымкой глаза молодых девушек».

Он стоял на площади Де Голля. Справа, у самых берегов Сены, виднелась Эйфелева башня, не менее знаменитая, чем город, где она построена. Перед ним была Триумфальная арка, а за ней Елисейские Поля. А там! Достаточно было пройти прямо, не сворачивая, и можно было увидеть Большой и Малый дворцы, и выйти на площадь Согласия, и побывать на знаменитой улице Риволи, посмот-

реть Лувр, Пале-Рояль, Сен-Жерменскую церковь, «Комеди Франсез» и сад Тюильри.

Он грустно усмехнулся. В его распоряжении всего три часа. Прибыв сегодня утром, впервые в своей жизни он вынужден довольствоваться лишь беглым осмотром города. Самое обидное, думал он, что никогда и никому не расскажешь о своей поездке в Париж. А может, это и к лучшему. Рассказывать будет практически нечего. Он не успел даже перейти на тот берег Сены и побывать в районах Латинского квартала и Монмартра, посмотреть Люксембургский сад. Да разве увидишь Париж за один день! «Чтобы узнать Париж, не хватит всей жизни», — вспомнил он чью-то фразу, поднимая руку. Такси плавно остановилось у тротуара.

— Монмартр, — сказал он, показывая водителю в сторону. У него есть еще немного времени, и он просто не мог удержаться, не проехав хотя бы по Монмартру.

— Монмартр, месье? — переспросил улыбающийся француз.

Он закивал головой, ведь карту Парижа он все-таки сумел достать. «Вот наглядное преимущество нашей работы, — подумал он. — Не успеваешь пересесть с одного самолета на другой, и весь город видишь из окон машины, которая мчит тебя по дороге, соединяющей два аэропорта».

— И как можно медленнее в Монфермей, — попросил он шофера по-английски. Француз, поняв, что перед ним иностранец, любующийся его городом, довольно улыбнулся и повернул направо.

За окнами мелькали районы Парижа — Обервилье, Бобиньи, Ле-Павиньон. Машина въехала в Монфермей. Мигель не отводил взгляда от окон. Это был его первый самостоятельный выезд за границу, и он, страшно довольный, немного очумевший от счастья и напряжения, время от времени потными руками ощупывал карман, проверяя, на месте ли бумажник с документами. Пистолет, выданный ему два часа назад связником, был предметом его особой гордости. Еще бы, теперь он помощник регионального инспектора. И это в его возрасте! До этого он лишь дважды бывал за границей, да и то для участия в технических операциях. И вот — самостоятельная работа. Он сумел пройти немислимый отбор и попасть в число «ангелов». Настоящее его имя знали только несколько человек у него на родине и региональный комиссар.

Мигель Гонсалес, служащий, 25 лет. Работник одной из парагвайских компаний. Холост. Эти скудные данные были сообщены таможенной службе Франции, куда этот скромный коммивояжер прибыл в качестве гостя.

— Монфермей, — повторил уже в третий раз шофер.

Мигель очнулся от своих мыслей и, уплатив по счетчику, вылез из машины. Теперь только бы не спутать. Вот там, кажется, у того дома, его должны ждать. Так и есть. Машина стоит у дома.

Голубой «Форд». Мигель чертыхнулся. Вот что-что, а в марках машин он до сих пор плохо разбирается, хотя, конечно, грузовик от легковой ма-

шины отличал. Кажется, номер совпадает. Она. Мигель подходит с левой стороны и садится на заднее сиденье, за шофером. Тот молча, только взглянув в заднее зеркало, трогает с места.

Первые пять минут Мигель еще пытается уяснить, куда они едут, но на шестой понимает всю бессмысленность своего наблюдения. Места совершенно незнакомы. Машина делает столько поворотов, что и не уследить. Наконец они останавливаются у какого-то дома.

— Выходи, — показывает рукой шофер.

— Спасибо, месье, — по-французски произносит Гонсалес и заходит в дом.

В передней темно, абсолютно ничего не видно.

«Сейчас меня ударят по голове, и мой холодный труп найдут в Сене», — успевает подумать Мигель, когда зажигается свет и слышится голос: «Идите наверх».

Гонсалес поднимается на второй этаж. Большая коричневая дверь. «Войдем», — решает Мигель и входит в комнату.

За столом сидит улыбающийся розовощекий мужчина лет пятидесяти. На нем серый полосатый костюм и ярко-красный галстук. Круглые глазки бегают — кажется, он весь излучает энергию, так беспокойны и нервозны его движения.

— Мистер Гонсалес, ну наконец-то, — машет он руками, вставая. — Входите, входите, давно вас ждем.

Мигель, осторожно ступая по мягкому ковру, успевает отметить роскошную обстановку и отвечает на рукопожатие.

— Прошу вас садиться. Курите, — предлагает розовощекий.

«Вот старый хрыч, — подумал Мигель. — Ведь знает отлично, что я не курю. И наверняка ведь знает мои любимые сны».

— Не курю, — отвечает он односложно. Разговор идет на английском, и Мигель вынужден отвечать коротко.

— Да, я знаю, — переходит на испанский розовощекий и с улыбкой кивает головой, — совсем забыл.

«Врешь небось, — улыбается Мигель, это тоже входит в проверку, — знаем мы вас, «забывчивых». Попробуй возьми сигарету — скажут, нет силы воли, собеседник навязывает ему свою».

— Господин Гонсалес, не будем терять времени. Ваш региональный комиссар рекомендовал вас в качестве помощника регионального инспектора в сектор «С-14». Этот район вам еще незнаком. Предупреждаю: сектор повышенной сложности, но ваши отборочные критерии дают нам возможность поверить в вас. Ваш интеллект превышает средний показатель, но, к сожалению, физическая сторона еще оставляет желать лучшего. Вам надо обратить на нее самое пристальное внимание, Гонсалес, самое пристальное. Здесь ваша подготовка несколько хромает.

Гонсалес наклоняет голову, соглашаясь с собеседником и чертыхаясь про себя: «Что, этот тип — преподаватель физкультуры, что ли?»

— И все-таки выбор пал именно на вас. Вам предстоит еще одно, последнее, испытание, особо

отличное от других. Подчеркиваю, последнее и особое.

— Я готов. — Мигель пробует встать, но толстячок машет руками.

— Сидите, сидите. Это испытание последнее, но самое серьезное. Сейчас вам заменят ваши боевые патроны на холостые и дадут три часа времени. В течение этого небольшого срока вы обязаны принести сюда более миллиона новых франков.

— Откуда принести? — Мигель предельно сосредоточен.

Розовощекий улыбается, как старый добрый папаша.

— В том-то и задача, что этот миллион вы добудете сами. Предупреждаю: вы не имеете права никого убивать, не имеете права наносить физические или психические травмы. Вся задача как раз и состоит в том, что вы принесете сюда деньги, опираясь исключительно на свой... интеллект. Ну, а пистолет вам лишь для защиты. Предупреждаю: если в процессе своей операции вы совершите незаконные действия и вас арестует французская полиция, вы будете наказаны в соответствии с законами этой страны и не должны рассчитывать на нашу помощь. Подчеркиваю: вы обязаны молчать о своей задаче, что бы с вами ни случилось. Деньги будут возвращены их законным владельцам. Предупреждаю еще раз: никакого ущерба — даже морального. Вы все поняли?

— Ничего не понял. — Гонсалес привстал с кресла. — Принести миллион новых франков через три